

Библиографический список

1. Лапина С. Н. Особенности метеорологических условий весенне-летнего сезона 1972 года в Нижнем Поволжье // Вопросы климата и погоды Нижнего Поволжья. Вып. 3(10). Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1974. С. 159–165.

2. Научно-прикладной справочник по климату СССР. Л. : Гидрометеониздат, 1988. 188 с.

3. Архангельский В. Л. Региональная синоптика Нижнего Поволжья. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1968. 202 с.

4. Лапина С. Н. Характеристика аномальных осадков и их генезис в июне 2013 г. и 2014 г. в Саратове // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Науки о Земле. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 9–15.

Образец для цитирования:

Лапина С. Н. Метеорологические особенности лета 2015 года в Саратове // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Науки о Земле. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 212–216. DOI: 10.18500/1819-7663-2016-16-4-212-216.

УДК 911.6, 911.8

ПОДХОДЫ К ВЫЯВЛЕНИЮ ЦЕНТРА И ПЕРИФЕРИИ

Ю. В. Преображенский

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

E-mail: topofag@yandex.ru

Предлагается типология подходов к пониманию и разработке модели «центр–периферия». В целом такие подходы могут быть разделены на две группы: структурные и функциональные и подходы на основе отношений между частями центр-периферийной системы.

Ключевые слова: Центр, Полупериферия, Провинция, Периферия, центр-периферийная модель, консерватизм, диффузия инноваций, ядерно-периферийная система.

The Approaches of a Center and Periphery Determination

Yu. V. Preobrazhenskiy

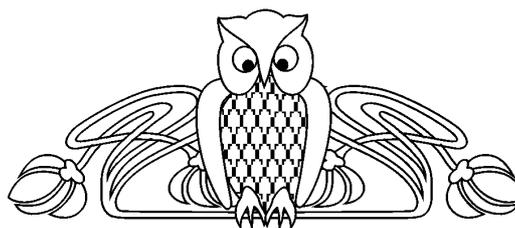
The article offers the typology of approaches to understanding and developing the «center-periphery» model. In general, these approaches can be divided into two groups: structural and functional approaches and the approaches based on relations between parts of the periphery of the system.

Key words: Center, Halfperiphery, Province, Periphery, center-periphery model, conservatism, diffusion of innovations, nuclear-peripheral system.

DOI: 10.18500/1819-7663-2016-16-4-216-221

Введение. Одна из основных задач географии состоит в поиске универсальных закономерностей пространственной организации общества. Результатом такого поиска становится выработка определенных моделей, описывающих взаимодействие внутри территориальных общественных систем (ТОС) и между ними. Принципиальный вопрос состоит в степени проработанности модели. Чем модель проще, тем она нагляднее, но при этом больше нюансов нужно учитывать при её практическом применении.

Модель «центр-периферия» представляется достаточно простой, что, видимо, и определило

её распространение не только в географии, но и в кругу гуманитарных наук (социология, филология). При этом содержание центр-периферийной модели и сфера её применения трактуются в большинстве случаев несколько упрощённо. Рассмотрению подходов к выявлению Центра и Периферии в территориальных общественных системах посвящена данная статья.

Степень разработанности проблемы. В отечественной экономико-географической литературе первой значительной работой по теме Центра и Периферии стала (и, по-видимому, остаётся до сих пор) книга О. В. Грицай с соавторами «Центр и периферия в региональном развитии» [1]. Благодаря ей советская хозяйственная система предстала не как отдельный остров, а как часть мирового экономического архипелага, со своими сгустками (центрами) экономической деятельности. Иначе говоря, несмотря на десятилетия хозяйствования в разных системах, процессы концентрации производства и вымывание ресурсов из Периферии в Центр типичны для обоих, универсальны.

Само понятие центр-периферийной модели связывается с работами экономиста Дж. Фридмана (Friedmann) [2], в дальнейшем к ней прибегали как экономисты, так и географы, фокусируя внимание на разных возможностях её использования.

Основная часть. В целом рассмотрение внутренних различий в центр-периферийных системах (ЦПС) и выделение соответствующих зон (здесь данный термин допустим, поскольку речь идёт как раз о пространственном анализе какого-то одного показателя) основываются либо на особенностях внутрисистемных различий (тип I), либо на отношениях между «центральными» и «периферийными» регионами (тип II) (таблица).

Можно сказать, что подходы первого типа направлены на изучение метрических свойств пространства (близость, однородность, удалённость), а подходы второго типа – на топологических и системных свойствах (целостность, связность и пр.) (подробнее см. [3]).

Достаточно широкий спектр признаков и

отношений может быть увязан в относительно небольшое число подходов, или в каких-то случаях правильнее будет говорить о направлениях исследования в виду комплексности изучения и применяемой методологии.

В общем виде ЦПС изучаются на основании следующих подходов (см. таблицу).

Подходы к выявлению «центральных» и «периферийных» регионов

Тип	Название подхода	Анализируемые показатели (отношения)	Особенности выделения зон в ЦПС
I	Концентрационный	Удельные количественные показатели (плотность населения, душевые доходы, потребление энергии, плотность инфраструктурных объектов и др.)	Выделение зон задается определенными (как правило, предлагаемыми авторами) пороговыми значениями
	Диверситициальный	Показатели качества жизни (спектр услуг, насыщенность культурными явлениями/событиями, многообразие видов деятельности)	Оценивается развитие человеческого капитала и факторы, обуславливающие его миграцию
	Хозяйственно-секторальный	Способы создания добавленной стоимости, структура занятости, производительность труда	Первичный сектор экономики (добыча минерального сырья, лесное, рыбное хозяйство) ассоциируется с Периферией, вторичный (обрабатывающая промышленность) с полупериферией, а в Центре сосредоточена сфера услуг и управление (третичный и четвертичный сектора)
	Мультипликативно-отраслевой	Степень мультипликативного эффекта в различных отраслях, отдача от инвестиций	Основываются на концепции полюсов роста Ф. Перру, выделившего деградирующие отрасли; динамичные, но «замкнутые» отрасли; динамичные отрасли, оказывающие мультипликативный эффект на смежные отрасли
II	Цивилизационно-границный	Дихотомия «цивилизация – варвары»	Кочевники (представители Периферии) рассматриваются как агенты переноса культурных новаций между оседлыми цивилизациями (центрами)
		Степень интеграции в глобальный мир	Столицы и крупные города рассматриваются флангиры по отношению к мировым изменениям
	Консервативно-конфликтный	Степень социально-культурной трансформации, отношение жителей к последней	Периферия, являясь носителем консервативных ценностей, сопротивляется инициированной Центром трансформации
	Историко-колониационный	Пространственно-временная динамика процесса колонизации (утрата признаков периферийности по мере включения колонии в системные экономические и культурные связи)	Историческое ядро рассматривается как базовая территория, Центр, колонизируемые земли – как Периферия
	Рыночно-зональный	Отношения между зоной производства и рынками сбыта	Рассматриваются центры производства и Периферия потребления
	Политико-нормативный	Различия в реализации норм и правил, устанавливаемых Центром	Исследуется поляризация политического пространства
	Генерирующий	Условия, позволяющие Центру создавать технологии, культурные инновации	Исследуются факторы, определяющие создание процессных и продуктовых инноваций, в том числе культурных (производство кинопродукции, театральные премьеры и пр.)
	Трансляционный	Характер и интенсивность связей между зонами ЦПС	Исследуются направления потоков вещества, энергии и информации

Рассмотрим приведённые подходы подробно. *Концентрационный подход.* Различная степень насыщенности сопоставляемых территорий объектами и явлениями позволяет выделить

их скопления, сгустки. В случае значительной концентрации отдельных показателей говорят о Центре и о периферийной зоне (в которой наблюдаемые показатели редки или малы). Большим

преимуществом данного подхода является наличие статистического материала по показателям, преимущественно удельным (т. е. в расчёте на одного человека). Наблюдаемые скопления достаточно легко отобразить на карте. С. Я. Ныммик пишет, что «картографирование меры концентрации... убедительно показывает уменьшение напряженности концентрации, начиная с центра, в направлении границ экономического района» (цит. по: [4, с. 5]).

Однако при этом подходе, как правило, за границы предполагаемой системы принимаются административные границы (рассматривается неоднородность не района, а преимущественно какого-либо субъекта РФ в разрезе муниципальных образований), а также не ставится вопрос о взаимообусловленности ядер концентрации и разреженной зоны между ними, т. е. о внутрисистемных отношениях и самом существовании системы.

В этом случае более уместно говорить о градиенте какого-то показателя вдоль линии Центр-Периферия. Н. И. Быков отмечает, что её ориентация «может указывать на главный фактор в пространственной организации регионов» [5, с. 67]. В качестве примера приводятся Томская область и Алтайский край, в которых размещение населения ориентируется по «вектору увлажнения».

Диверситициальный подход, связанный с выделением центральных и преимущественно провинциальных регионов на основе спектра предоставляемых возможностей, привлекает чаще всего социологов; здесь хорошо проявляют себя методы опроса и анкетирования среди населения. Допустимо и использование экспертных рейтингов по качеству образования, здравоохранения, экологической ситуации и пр. При этом подходе в выявлении обеспеченности территорий услугами часто упоминается модель центральных мест В. Кристаллера (Kristaller) [6]. Однако ясно, что центральные места ячеек гексагональной решётки не являются Центром в том смысле, в каком они понимаются в центр-периферийной модели, так как для пространства решётки характерно лишь альтернативное состояние какой-либо услуги (есть или нет). В отдельных случаях, как отмечает Б. Б. Родоман, гексагональная сетка районов, по-видимому, перестраивается в секторно-кольцевую, если один из центров усиливается настолько, что подчиняет себе остальные [7, с. 143].

В рамках *хозяйственно-секторального подхода* рассматривается трёхзвенная структура хозяйства той или иной ЦПС. Анализ структуры экономики района здесь будет иметь пространственное «отражение». Очевидно, что в зоне периферии будут преобладать добывающие отрасли, а Провинция и Центр – сочетать отрасли обрабатывающего сектора и сферы услуг. В соответствии с этим будут различаться структура занятости, производительность труда, уровень рентабельности производств. Впрочем, хозяйственно-секторальный подход, как правило, применяется не в статике, а в динамике,

т.е. проводится анализ изменений соотношения трёх секторов под влиянием таких факторов, как распространение инноваций, разработка новых месторождений и пр. и соответствующих сдвигов в пространственной структуре района.

Мультипликативно-отраслевой подход связан с исследованием так называемого мультипликативного эффекта, который характеризуется созданием дополнительных рабочих мест в производственных услугах и нематериальном обслуживании при создании новых рабочих мест в промышленности. Во многом он связан с теорией полюсов роста Ф. Перру (Perroux) [8] и применяется в региональном планировании как инструмент оживления депрессивных районов.

Другая группа подходов выявления Центра и Периферии основывается на характере отношений между частями ЦПС.

Первичный антогонизм по линиям «я – другие», «мы – они» в последующем трансформировался в более сложную систему отношений. И. Ф. Туан (Tuau) приводит примеры карт, отображающих подобные этно- и этноцентричные отношения [9, с. 48–49]. С возникновением взаимообусловленности между составляющими пространственных систем, возникающих на основе торговых (переход от натурального хозяйства к товарному), военных и культурных отношений, одни их части занимают центральное, а другие периферийное положение.

Цивилизационно-границный подход в отношении изучения динамики ЦПС во многом связан с миросистемным подходом И. Валлерстайна (а до него Ф. Броделя) [10]. Суть его состоит в том, что в каждой такой миросистеме устанавливаются замкнутые на одно ядро экономические потоки. Впрочем, исследователи-историки обращают внимание, по-видимому, преимущественно на культурно-языковые связи между частями подобных систем. Например, в устройстве Римской империи прослеживается трёхзвенная конструкция. «Ядро» – это Рим и Италия, а также романизированные провинции и римские колонии. «Полупериферия» – основная масса римских провинций, подверженных романизации и удаленных от границ империи. «Периферия» – недавно присоединённые или слабороманизированные провинции империи, а также зависимые от Рима пограничные государства [11, с. 106].

Различия между племенем, этносом, а впоследствии цивилизацией и остальным миром проявились, очевидно, раньше прочих. При этом вплоть до предположительно XX века периферийность во многом определялась отсутствием информации о ней (вплоть до *terra incognita*), а о степени «центральности» можно было судить по преувеличенным рассказам и слухам, создающим привлекательный образ (об привлекательности регионов см. [12]). Там, где обитали цивилизованные народы, был Центр, а прочая территория была занята варварами и дикарями, если была вообще обитае-

ма. Между тем варвары, прежде всего кочевники, представляющие своего рода подвижную периферию, служили «переносчиками» информации, новаций и, вероятно, в отдельных случаях эпидемий между «цивилизованными» и оседлыми народами. Т. Д. Холл пишет на основании исследования монголов о том, что «оспариваемые территории («периферия») становятся связующими элементами для обмена между мир-системами» [13, с. 22].

Интересно, что в период колониальных владений «периферию» (зависимые территории) не следовало рассматривать как нечто единое: Центр (здесь метрополия) выстраивал определённые отношения с каждой из этих территорий. При этом М. К. Чуркин пишет, что «центр, активно взаимодействуя с отдельными перифериями, предпринимал неимоверные усилия по ограничению или сведению к минимуму собственно межрегиональных контактов» [14, с. 6].

Отношения между Центрами не замыкаются в пределах одной страны. Происходит переток информации разного рода между центрами разных уровней, особенно интенсивно между так называемыми «мировыми городами». При этом Центры более низкого порядка оказываются как бы воротами по отношению к тенденциям, рождающимся в ядрах глобализованного мира. «Мировые города» типа бета, гамма и дельта (многие столицы государств) можно рассматривать как своеобразные ретрансляторы таких тенденций (зарождающихся в альфа-городах). Не случайно поэтому В. Л. Каганский называет Москву «приграничным регионом всей России» [15], мостом между глобальным миром и глубиной.

Консервативно-конфликтный подход основан на изучении экономических диспропорций, социальных отклонений, являющихся следствием активного развития Центра и установления неравноценного обмена между «периферией» страны и столичным ядром (или ядрами других стран в случае экспорта природных ресурсов). Роль Центра, привносящего изменения, здесь скорее негативная; традиционная Периферия сопротивляется им, что порождает конфликт. В рамках консервативно-конфликтного подхода Периферия представляется консервативной зоной, противящейся изменениям, исходящим из неустойчивого, подверженного трансформации Центра. Данный подход может применяться также в электоральной географии: в глубинке и в крупных городах население, как правило, имеет различные политические предпочтения.

Историко-колониационный подход применяется при анализе роста и сокращения территории империи, метрополии, во многом он связан с геополитикой. Именно при этом подходе ставятся вопросы об «эффективном пределе» расширения той или иной империи, так как слишком обширная Периферия может потребовать затрат, непосильных для Центра. В русле данного подхода лежит концепция В. Л. Цымбурского о России как

острове [16]. Говоря о способах «контроля над огромной платформой евроазиатского севера и северо-востока», В. Л. Цымбурский отмечает, что он стал возможным благодаря созданию «русских островов» в геостратегических узловых пустотах платформы, становящихся центрами организации окружающих «трудных пространств» [16, с. 2].

В рамках этого подхода рассматриваются процессы культурной и экономической трансформации периферийных территорий в провинциальные или центральные. Например, Австралия, бывшая некогда пространством ссылки, в XX веке стала практически одним из Центров западного мира (правда, в то же время, учитывая зависимость от экспорта в Китай, Периферией мира восточного).

К данному подходу примыкает подход на основе выделения рыночных зон на уровне макрорегионов. Центры здесь определяются как поставщики готовой продукции, а Периферия как зона её потребления (Периферия здесь несколько отлична от Периферии в других подходах, так как должна обладать достаточно высоким уровнем спроса на реализуемую продукцию). «Торговые войны» ведутся между Центрами для обретения контроля над Периферией. Во многом именно они стали поводом для известного «Бостонского чаепития», «континентальной блокады» XIX века или Первой мировой войны. В рамках этого подхода можно рассматривать и геэкономическое положение России после распада советского блока, лишившейся рынков сбыта (за исключением в какой-то мере рынка вооружений). В настоящее время тенденцию к закреплению рынков сбыта со стороны США можно видеть в проектах транстихоокеанского партнёрства и трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства.

Роль Центра в качестве политического субъекта, действующего в политическом и правовом пространстве, исследуется в рамках политико-нормативного подхода. Центр устанавливает нормы, правила [17, с. 4], а также формирует рамки неформальной экономики в регионах. Соответственно в политическом пространстве функционирование Периферии зависит от принятых в центре решений [18, с. 189].

Возможно, наиболее проработанная методология относится к *генерирующему подходу*, рассматривающему Центр в качестве генератора инноваций различного характера, которые проникают в Провинцию и отчасти Периферию, изменяя их и всю систему в целом. Именно в «связке» технологических процессов и диффузии инноваций наиболее часто и продуктивно обсуждаются сущность и процессы внутренней динамики центр-периферийной модели. Технологическое развитие запускает цепной ряд изменений во всех подсистемах, составляющих ТОС. Во-первых, это изменения в секторе хозяйства, связанные с приобретением новой специализации какой-то зоны (провинциальной или периферийной), переход от добывающей промышленности к обрабаты-

ющей или увеличение доли сферы услуг. Соответственно этому трансформируется структура занятости населения, изменяется характер природопользования (например, применение более эффективных технологий в добыче минеральных ресурсов), воздействие на ландшафты и их трансформация. Технологическое развитие можно рассматривать как процесс пространственного замещения экстенсивного развития интенсивным (более подробно данные процессы были рассмотрены в [19]).

Параллельно этим процессам в системе идут процессы институциональной трансформации, различным образом влияющей на части ТОС. Сюда можно отнести широкий круг институтов образования, моды, так называемых институтов развития, религиозных институтов и пр. Исследования скорости и пространственной неоднородности проникновения инноваций достаточно интересны (см., например, [20]).

Невыполнение Центром своих функций в качестве генератора инноваций ведёт к ослаблению всей ЦПС. При таком негативном развитии событий система может рассматриваться с позиций *проблемного подхода*. Различия между Центром и Периферией по показателю, например, душевых доходов будут рассматриваться как пространственное неравенство. Методы, позволяющие выявить особенность такого неравенства, достаточно многообразны. В целом их можно свести к трём группам. Во-первых, оценка масштаба неравенства (используются индексы рассеивания, Джини, Морана); во-вторых, структура неравенства (кластерный анализ, индекс Тейла); в-третьих, динамика неравенства (индекс Кольма и др.) (подробнее см. [21, с. 22]). Очевидно, что исчисление подобных индексов – только первая стадия исследования, за которой должна следовать монографическая стадия, т.е. исследуемый регион необходимо описывать по методикам, разработанным в русле социально-экономической географии.

В рамках проблемного подхода Периферия оказывается «недоразвитой», но в то же время обладает иным культурным пространством (не обязательно принципиально отличным, но чаще всего просто «устаревшим» по сравнению с Центром, в котором время ушло вперёд). «Периферийность» понимается, например, В. Н. Лаженцевым, как синдром. Он пишет о поиске путей преодоления «негативного синдрома периферийности путем приобщения экономически удаленных территорий к научно-техническому потенциалу центральных мест с сохранением традиционной сельской культуры» [22, с.3].

Выделение Центра, Полупериферии (Провинции) и Периферии обуславливается определёнными признаками, а также характером и интенсивностью связей между различными частями (зонами) ЦПС. При *трансляционном подходе* фокус исследования сосредоточивается

на связях между зонами, т.е. Центр и Периферия будут определяться на основании входящих и исходящих потоков вещества, энергии и информации. Очевидно, что различия в характере специализации зон определяют и различия в «видах» трансляции.

Выводы. В результате проведённого исследования составлена авторская типология подходов к выявлению Центра и Периферии в территориальных общественных системах. Подходы к выявлению и анализу центр-периферийных систем многообразны, а само центр-периферийное направление исследований носит междисциплинарный характер. В то же время в значительной их части центр-периферийная система трактуется слишком обще, в смысле изотропного пространства.

Библиографический список

1. Грицай О., Иоффе Г., Трейвиш А. Центр и периферия в региональном развитии. М., 1991. 167 с.
2. Friedmann J. Regional development policy. A case study of Venezuela. Cambridge, 1966. 280 p.
3. Топчиев А. Г. Географическое пространство и его свойства // Всесоюзный симпозиум по теоретическим вопросам географии. Киев, 1977. С. 16–21.
4. Ткаченко А. А. О Сальме Яановне Ныммик // Региональные исследования. 2012. № 4. С. 4–7.
5. Быков Н. И. Факторы пространственной ориентации региональных систем «центр-периферия» // Полимасштабные системы «центр-периферия» в контексте глобализации и регионализации : теория и практика общественно-географических исследований : материалы междунар. науч. конф. Симферополь, 2015. С. 65–68.
6. Christaller W. 1933 : Die zentr. Orte in Süddeutschland. Eine ökonomisch-geographische Untersuchung über die Gesetzmäßigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungen mit städt. Funktionen. Reprogr. Nachdruck, 1968. 346 s.
7. Родоман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск, 1999. 256 с.
8. Perroux F. Les techniques quantitatives de la planification. P., 1965. 315 p.
9. Tuan Y. F. Space and Place : The Perspective of Experience. Minneapolis. L., 2001. 496 p.
10. Валлерстайн И. Миросистемный анализ : Введение / пер. Н. Тюкиной. М., 2006. 248 с.
11. Мальцев М. Г. Варваризация римской империи как культурно-исторический процесс // Вестн. науч. ассоциации студ. и асп. ист. фак. Пермск. гос. гуман.-пед. ун-та. Сер. Stadia Historica Jenium. 2015. № 1. С. 106–107.
12. Преображенский Ю. В. Атрактивность регионов и городов Поволжского экономического района // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Науки о Земле. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 72–77.
13. Холл Т. Монголы в мир системной истории // Раннее государство, его альтернативы и аналоги : сб. ст. Волгоград, 2006. С. 442–467.
14. Чуркин М. К. Сценарии и опыт модернизации империи

в условиях освоения окраин // Вестн. Омск. ун-та. Сер. Исторические науки. 2015. № 1 (5). С. 4–11.

15. Каганский В. Л. Противоречивая Москва // Русский журнал. 2004. 13 сент. С. 38–41.

16. Цымбурский В. Л. Остров Россия перспективы российской геополитики // Полис. 1993. № 5. С. 6–53.

17. Макарычев А. С. Концепты центра и периферии в политической регионалистике: возможности постструктуралистской деконструкции // Псков. регион. журн. 2006. № 2. С. 22–27.

18. Цветкова О. В. Центр и периферия в региональном развитии: теории региональной политики. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопр. теории и практики. 2014. № 7-1 (45). С. 189–192.

19. Преображенский Ю. В. Технологическое развитие в системах регионального природопользования // География в Саратовском университете. Современные исследования : сб. науч. тр. / под ред. А. Н. Чумаченко. Саратов, 2014. С. 9–14.

20. Бабурин В. Л., Земцов С. П. Регионы-новаторы и инновационная периферия России. Исследование диффузии инноваций на примере ИКТ-продуктов // Региональные исследования. 2014. № 3. С. 27–37.

21. Маслихина В. Ю. Количественная оценка экономического и социального пространственного неравенства в Приволжском федеральном округе // Науковедение. 2013. № 4 (17). С. 22–31.

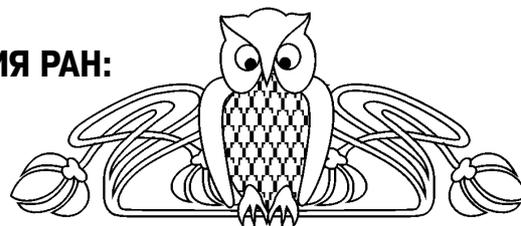
22. Лаженцев В. Н. Теория территориального развития и практика территориального планирования // Вопр. территориального развития. 2014. № 8 (18). С. 1–12.

Образец для цитирования:

Преображенский Ю. В. Подходы к выявлению центра и периферии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Науки о Земле. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 216–221. DOI: 10.18500/1819-7663-2016-16-4-216-221.

УДК 001(09)(470.56)

ИНСТИТУТ СТЕПИ УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО СТЕПЕВЕДЕНИЯ

Т. Н. Савинова, А. Г. Рябуха

Институт степи Уральского отделения РАН, Оренбург
E-mail: anaitat2009@yandex.ru, annaryabukha@yandex.ru

Статья посвящена истории создания Института степи – единственного на Урале и в УрО РАН академического географического института.

Ключевые слова: степная зона, Институт степи УрО РАН, научная школа, Оренбургский научно-исследовательский институт охраны и рационального использования природных ресурсов (ОНИИ ОРИПР), Лаборатория мелиорации ландшафтов и охраны природы Оренбургского сельскохозяйственного института, Оренбургский отдел степного природопользования, А. А. Чибилёв.

Institute of the Steppe of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences: Story of Formation of Modern Steppe Science

T. N. Savinova, A. G. Ryabukha

Article is devoted to history of creation of Institute of the steppe which is the only academic geographical institute in the Urals and in the Ural branch of the Russian Academy of Sciences.

Key words: steppe zone, Institute of the steppe UB RAS, scientific school, Orenburg research institute of protection and rational use of natural resources, Laboratory of melioration of landscapes and conservation of the Orenburg agricultural institute, Orenburg department of steppe environmental management, A. A. Chibilyov.

DOI: 10.18500/1819-7663-2016-16-4-221-225

10 сентября 2016 г. исполнилось 20 лет со дня принятия постановления Президиума РАН о соз-

дании в г. Оренбурге Института степи Уральского отделения Российской академии наук (УрО РАН) – специального научно-исследовательского академического учреждения, созданного для решения проблем степного природопользования. Эта дата считается днем рождения единственного на Урале и в УрО РАН академического географического института, являющегося мировым лидером в области комплексного фундаментального изучения геоэкологических проблем степной зоны Евразии и координатором международных исследований по данной тематике. Но рождение Института было подготовлено результатами трудов организаций-предшественников, а также и организатора Института степи УрО РАН А. А. Чибилёва.

В 1975 г. при Оренбургском политехническом институте (ОПИ) Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР А. С. Хоментовским (1908–1986) был организован на общественных началах и хозяйственной основе **Оренбургский научно-исследовательский институт охраны и рационального использования природных ресурсов** (ОНИИ ОРИПР) – первая природоохранная организация подобного рода в СССР [1, с. 7]. Специфика работы Института состояла в инженерной направленности исследований. Сотрудники занимались разработкой технико-экономических обоснований отдельных проблем, составляли проекты работ и рабочих чертежей, обеспечивавших их выполнение [1,